

DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.030-046
УДК 902.2

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; l.mylnikova@yandex.ru; msnesterova@gmail.com

Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований*

В статье рассматриваются результаты анализа материалов могильника Венгерово-2А эпохи неолита Барабинской лесостепи. Представлена характеристика погребально-ритуальных комплексов. Показано, что в их состав входят центральная могильная яма и окружающий ее ров, разделенный на сегменты, которые ориентированы по сторонам света. Выявлены разные способы погребения и различное положение погребенных. Подчеркнута особенность изученного некрополя – сочетание в пределах единого могильного пространства двух видов захоронений: коллективных усыпальниц в особых конструкциях со рвами под земляной насыпью и одиночных грунтовых погребений. Описывается последовательность сооружения комплексов: сначала создавались чашеобразные углубления и ров, который ограничивал сакральное пространство, затем в могильной яме совершалось основное захоронение и тело, возможно, присыпалось землей, а сверху в несколько ярусов укладывались остальные погребенные. Предполагается сооружение навеса-настила. После проведения ритуалов комплекс засыпался до образования невысокой насыпи. Отмечено сходство комплексов Венгерово-2А с комплексами могильника Протока (Бараба). Приводится описание погребального инвентаря – изделий из глины, кости, рога и камня, раковин. Дано описание целых керамических сосудов. Выявлены различия между посудой из захоронений, рвов и «тризны» по составу формовочных масс и принципам орнаментации. На основе петрографического анализа каменной индустрии памятника Венгерово-2А и артефактов из синхронных местонахождений Западной Сибири определен источник сырья – аллювий Иртыша. Рассмотрены даты, полученные по образцам из погребений комплекса № 1, проведено их сравнение с датами для могильника Протока, поселений Автодром-2 и Серебрянка-1 (Бараба). Могильник Венгерово-2А датирован периодом позднего неолита (VI–V тыс. до н.э.). По результатам изучения антропологического материала и палеогенетических данных установлено сходство исследуемого населения с другими представителями неолитических популяций Барабы – носителями признаков северной евразийской антропологической формации. Выявлена специфика памятника Венгерово-2А – смешанный характер керамического комплекса и вариативность погребального обряда. Подчеркнута многокомпонентность керамического материала Венгерово-2А, как и других памятников эпохи неолита севера Евразии. Отмечены очень широкое распространение аналогов сопроводительного инвентаря могильника Венгерово-2А: таежная зона Западной Сибири, лесное Зауралье, Прибалтика, Карелия, а также антропологическое и генетическое сходство населения «урало-западно-сибирской культурной общности эпохи неолита».

Ключевые слова: неолит, погребально-ритуальный комплекс, мультидисциплинарные исследования, Бараба.

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, and M.S. Nesterova

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; l.mylnikova@yandex.ru; msnesterova@gmail.com

The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study

The article addresses Neolithic burials at Vengerovo-2A in the Baraba forest-steppe. Funerary and ritual complexes include a centrally located grave with an enclosing ditch separated into segments, which are oriented according to cardinal points. The

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

funerary rite and the orientation of bodies are variable. A peculiar feature of this cemetery is that burials are of two kinds: (1) collective under mounds, arranged in special constructions with ditches, and (2) single without mounds. Reconstructed stages in the arrangement of burials were as follows: first, a cup-like grave and a ditch delimiting the funerary space were dug. Next, the body was placed in the grave and possibly covered with earth. Then the remaining bodies were placed on top in several layers. The construction may have included a wooden roof. Finally, a low earthen mound was made above the grave. The Vengerovo burials resemble those at Protoka in the Baraba Plain. Funerary goods found at Vengerovo-2A were made of clay, bone, horn, and shells. Intact vessels are described. Those from the graves and ditches and those remaining from the funeral repast differ in terms of paste and decoration. Based on the petrographic analysis of stone tools from Vengerovo and coeval sites in Western Siberia, pebbles were taken from the Irtysh alluvium. The absolute chronology of burials is compared with that of the Protoka burial ground and of the Avtodrom-2 and Serebryanka-1 settlements in Baraba. Vengerovo-2A dates to the Late Neolithic (6th–5th millennia BC). Its burial rite and pottery evidences a blend of several traditions, and the same applies to other Neolithic sites in northern Eurasia. Finds from Vengerovo are paralleled by those from the taiga area of Western Siberia and Eastern Ural as well as from the Baltic and Karelia. Cranially, Vengerovo people display the Northern Eurasian trait combination. This fact along with skeletal and paleogenetic findings places them within what can be described as the Uralian and Western Siberian Neolithic community.

Keywords: Neolithic, ritual, funerary rite, multidisciplinary studies in archaeology, Baraba.

Введение

Неолит юга Западно-Сибирской равнины пока очень слабо исследован, поэтому информация об обнаружении новых поселенческих и погребальных комплексов вызывает интерес у специалистов. Важность открытия в 2011 г. погребально-ритуальных комплексов с богатейшим набором артефактов Венгерово-2А в Барабинской лесостепи, отражающих оригинальную сакральную практику, трудно переоценить. Полученные материалы были подвергнуты мультидисциплинарному исследованию, позволяющему выйти на принципиально новый уровень интерпретации. Авторы допускают, что рассматриваемые комплексы являются лишь частью массива захоронений, поиск которых будет продолжен. Однако и то, что уже найдено и изучено, позволяет расширить представления о неолитической эпохе Западной Сибири.

Памятник обнаружен при исследовании поселения кротовской культуры, стратиграфически перекрывающего некоторые неолитические захоронения [Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2011]. В 2012–2015 гг. были изучены два погребально-ритуальных комплекса и одиночное грунтовое захоронение [Молодин, 2012; Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2012, 2013]. В юго-восточной части памятника при раскопках жилищ № 7 и 8 кротовской культуры найдены орудия из камня и фрагменты керамики, относящиеся, по-видимому, к еще одному разрушенному комплексу. В древности над захоронениями находились земляные насыпи, но сегодня их визуальная фиксация затруднена из-за многократного разрушения края террасы. Во время поиска неолитических объектов на перспективных участках были проведены обширные геофизические, геохимические и петромагнитные исследования [Молодин, Бортникова, Матасова и др., 2012].

Характеристика погребальных комплексов

Могильник Венгерово-2А расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) на месте поселения эпохи бронзы Венгерово-2 (рис. 1). Погребально-ритуальные комплексы эпохи неолита находятся в 30 м друг от друга (рис. 2) и представляют собой сложные сооружения, состоящие из центральной могильной ямы и окружающего ее рва (рис. 3–5). Реконструируемая общая площадь каждого комплекса составляет не менее 100 м². В стратиграфических разрезах обоих комплексов выделяется мощная линза пестрой черной супеси с мелкими желтыми и черными включениями разной интенсивности, перекрывающая могильную яму и рвы. Это обстоятельство подтверждает предположение о том, что в прошлом над последними находились земляные конструкции, форму и размеры которых в настоящее время определить невозможно.

Рвы (ширина от 1 до 2,5 м), окружающие могильные ямы, разделены на сегменты, разрывы между ко-

Рис. 1. Неолитические могильники на территории Барабинской лесостепи.

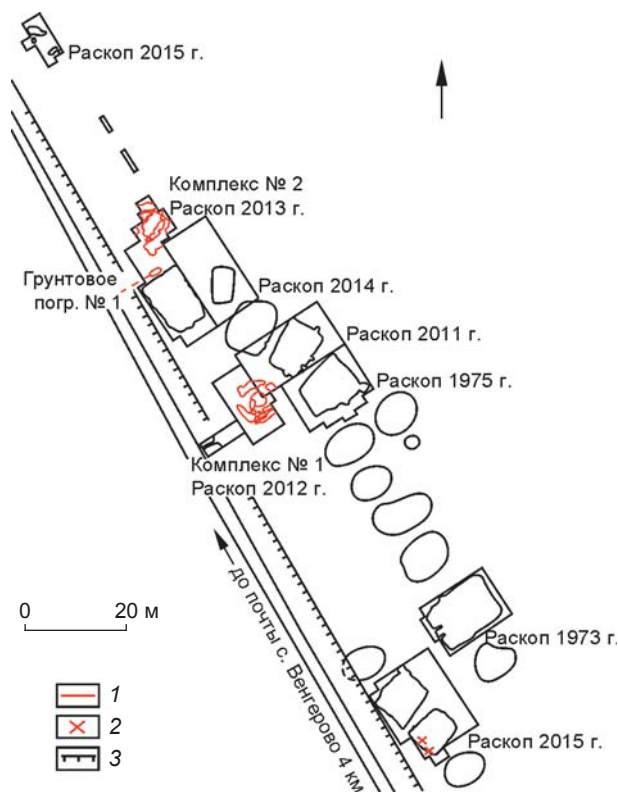

Рис. 2. Ситуационный план памятника Венгерово-2.
1 – границы объектов эпохи неолита; 2 – местонахождение отдельных артефактов эпохи неолита; 3 – край террасы.

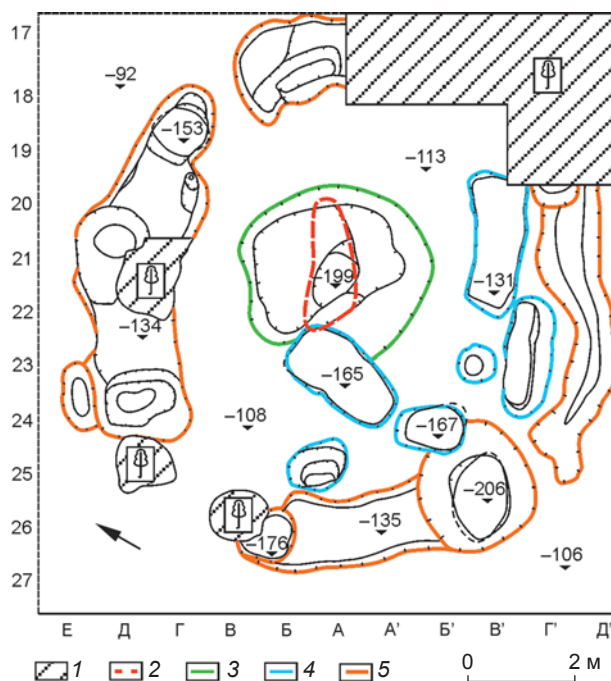

Рис. 3. План погребально-ритуального комплекса № 1.
1 – участки, заросшие деревьями; 2 – граница расположения скелетов; 3 – границы могильной ямы; 4 – границы ям; 5 – границы сегментов рва.

Рис. 4. Погребально-ритуальный комплекс № 1. Фото сделано после выкопки заполнения и снятия скелетов.

торыми ориентированы по сторонам света. В концах некоторых сегментов имеются углубления до 0,8 м, заполнение которых содержало углистые и прокаленные линзы. Это позволяет предполагать, что рвы были за-

сыпаны не сразу. В комплексе № 1 вдоль южного участка рва расположены пять ям.

На дне юго-восточного сегмента рва комплекса № 2 обнаружено захоронение индивида, уложенного вытянуто на спине. Еще одно погребение (вторичное) было совершено в яме между северо-западным участком рва и центральным могильным углублением. С юго-восточной стороны центральной могилы зафиксировано четыре столбовые ямки. В стенке одного из сегментов рва обнаружен «тайник» – небольшое углубление, в котором находились кости дикой лошади и оригинальное изделие из рога лося (рис. 5).

В центральной части изучаемых комплексов имеется чашеобразное округлое или подпрямоугольное в плане углубление (до 1 м). Диаметр могильной ямы комплекса № 1 не превышает 3 м, размеры комплекса № 2 составляют 4 × 5 м. Минимальное количество погребенных в центральной яме комплекса № 1 равно 8 (рис. 6, 7), комплекса № 2 – 19 (рис. 8–12). В центральном углублении находится еще

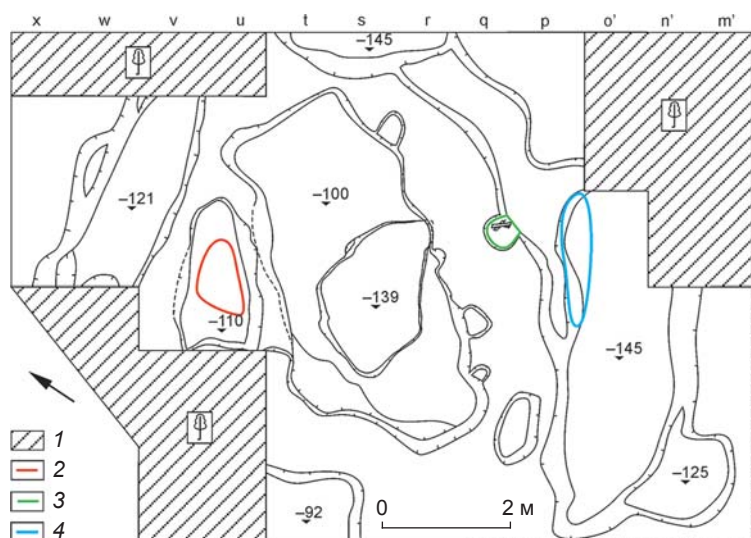

Рис. 5. План погребально-ритуального комплекса № 2.
1 – участки, заросшие деревьями; 2 – мог. 3; 3 – «тайник»; 4 – мог. 2.

Рис. 6. План расположения скелетов в погребально-ритуальном комплексе № 1.

1 – погр. № 1, горизонт 1; 2 – погр. № 1, горизонт 2; 3 – погр. № 1, зона распространения жженных костей; 4 – погр. № 1, горизонт 3; 5 – погр. № 3; 6 – погр. № 2; 7 – погр. № 4; 8 – граница центрального углубления могильной ямы; 9 – каменное скребло; 10 – каменная пластина.

Б/22/А/22
Б/23/А/23

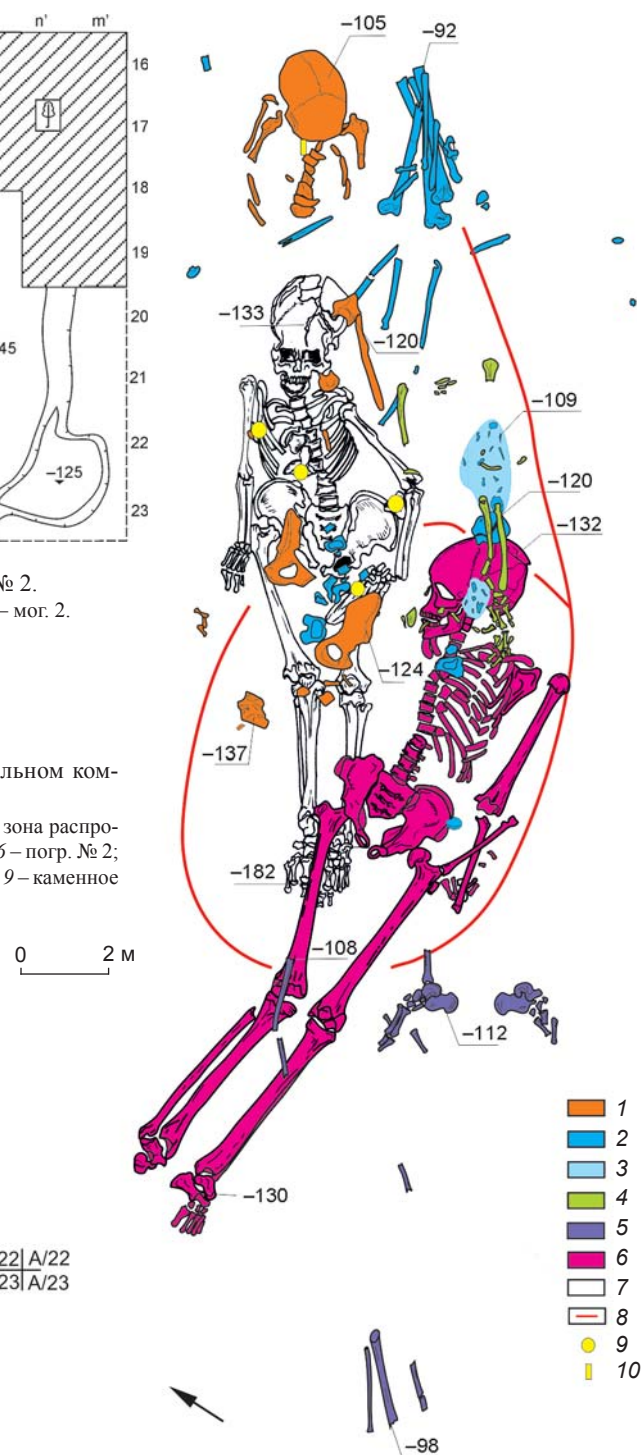

Рис. 7. Фрагмент скелета 4 из погребально-ритуального комплекса № 1.

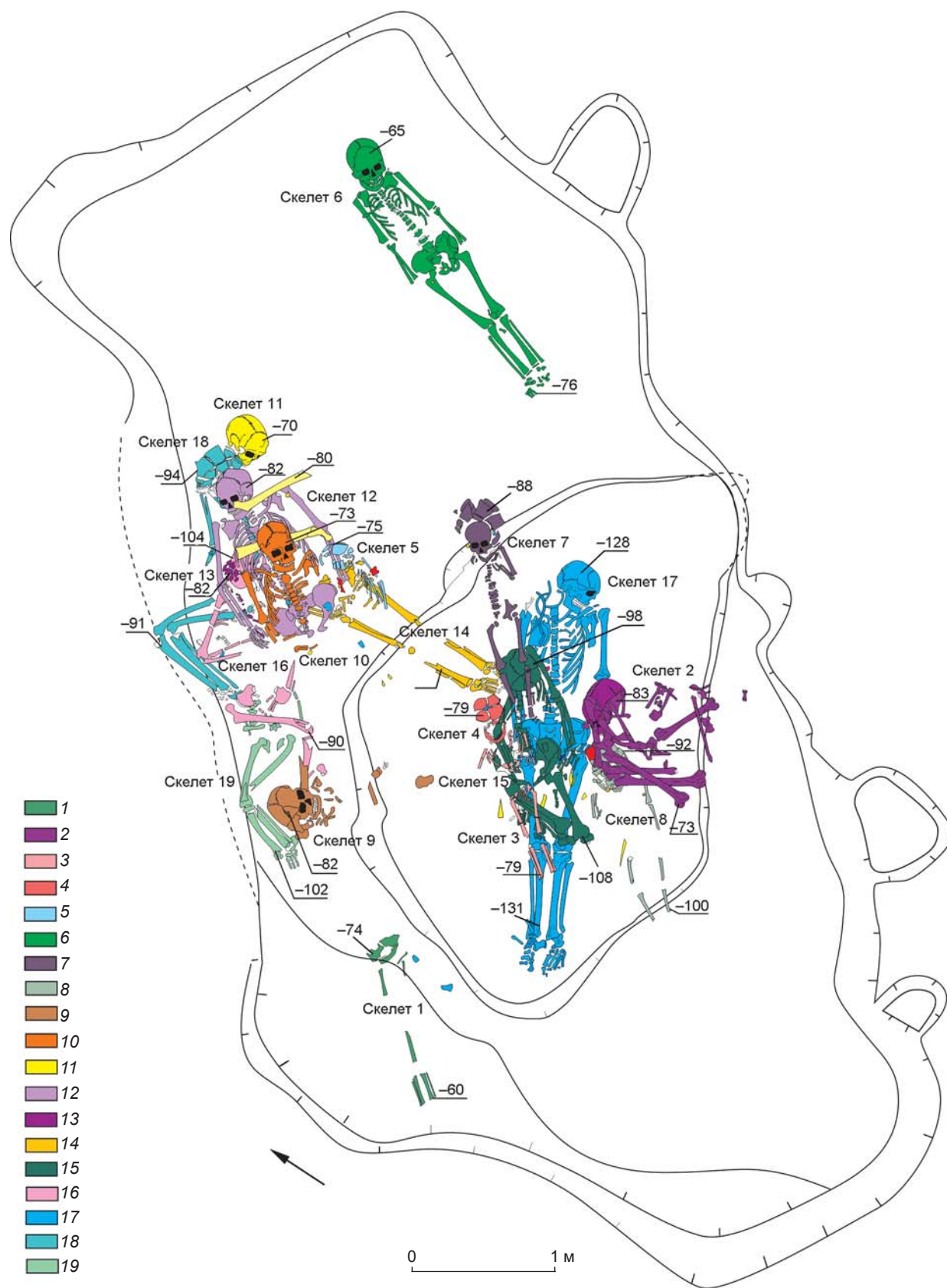

Рис. 8. План расположения скелетов в центральной могильной яме погребально-ритуального комплекса № 2. Номера скелетов соответствуют номерам усл. обозн.

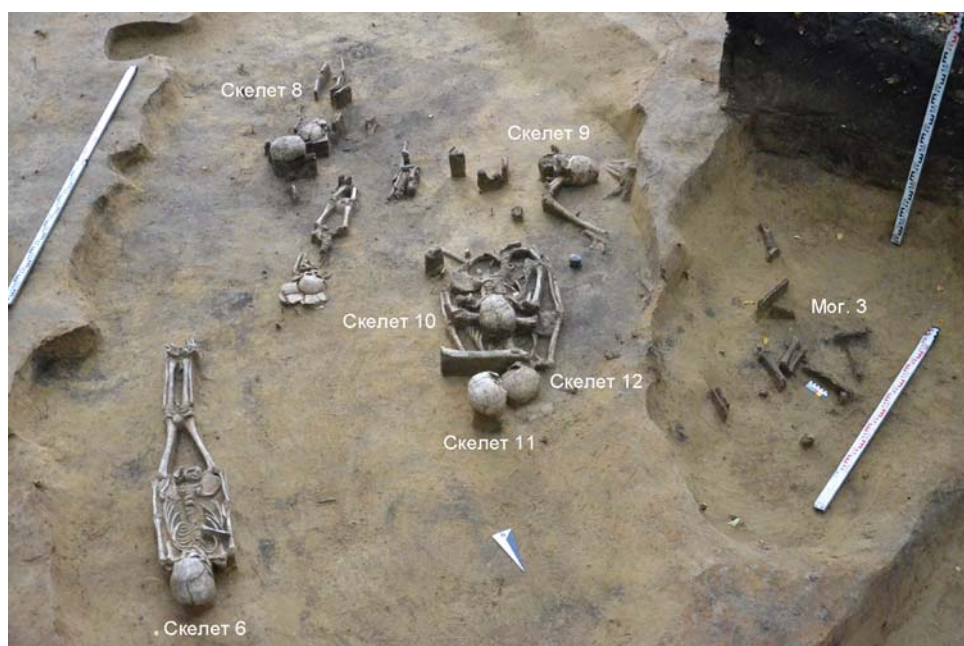

Рис. 9. Участок погребально-ритуального комплекса № 2 в процессе расчистки горизонта 3.

1

Рис. 10. Участок погребально-ритуального комплекса № 2 в процессе расчистки горизонта 4.

1 – скелет 8; 2 – каменная пластина, обнаруженная под черепом скелета 8.

2

0 1 см

одна яма, предназначенная, вероятно, для основного захоронения. Зафиксированы разные способы погребения (ингумация, кремация, вторичные и парциальные захоронения), а также различное положение погребенных (вытянуто на спине с развернутой лицевой частью черепа к юго-востоку; с приподнятыми верхней частью туловища и головой и подогнутыми в коленях ногами; полусидя с сильно согнутыми ногами, так что кости ступней находились под тазовыми костями, с полусогнутыми ногами, завалившимися на стенку могильной ямы). Кисти рук рас-

Рис. 11. Участок погребально-ритуального комплекса № 2 в процессе расчистки горизонта 5.

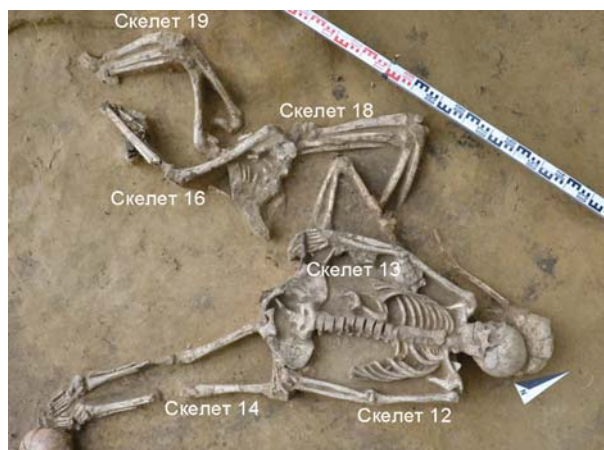

Рис. 12. Скелет в мог. 2 погребально-ритуального комплекса № 2.

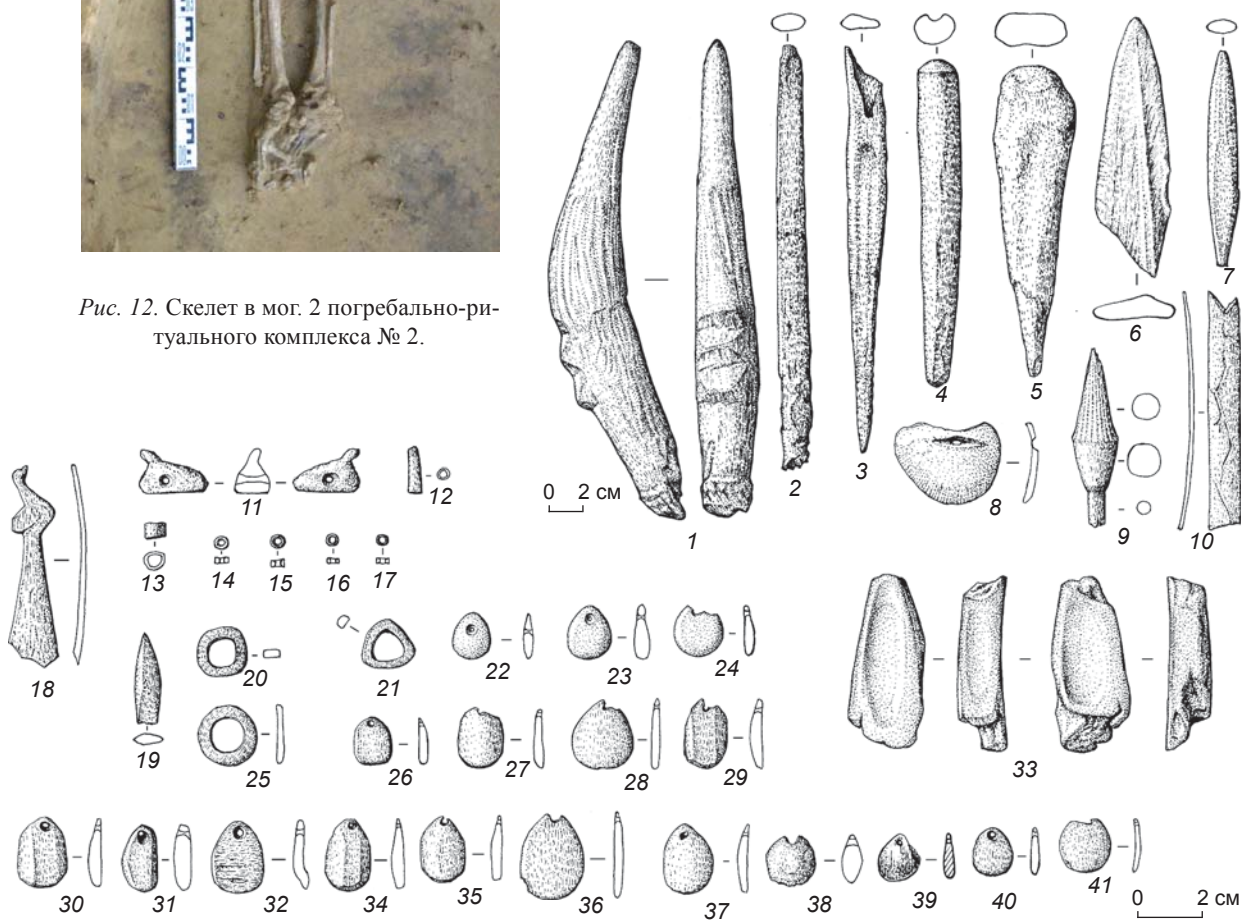

Рис. 13. Погребальный инвентарь из могильника Венгерово-2А.

1 – изделие из рога; 2–5 – костяные проколки; 6 – костяное острие вкладышевого орудия (?); 7, 9, 19 – костяные наконечники стрел; 8 – подвеска из раковины; 10 – костяная пластина; 11 – костяная скульптура; 12–17 – пронизи из раковины и кости; 18 – костяное навершие кинжала; 20, 21, 25 – костяные кольца; 22–24 – каменные подвески; 26–32, 34–41 – костяные подвески; 33 – абразив из керамике. 1–5, 7–41 – комплекс № 2; 6 – комплекс № 1.

полагались на тазовых костях или под ними. Ступни сильно вытянуты и развернуты «носками» наружу. В некоторые погребения, судя по характерному положению костей ног и верхней части скелета, умершего помещали плотно связанным (комплекс № 2, мог. 1, скелет 6). Погребенные ориентированы в основном на СВ с отклонением к С или ССВ. Многие захоронения расположены друг над другом (до шести ярусов) (см. рис. 6–12). Сопроводительный инвентарь очень разнообразен (рис. 13, 14). Отдельные предметы находились в надмогильном сооружении и заполнении могильных ям и рвов.

В 4 м к югу от комплекса № 2, ближе к краю террасы, обнаружено грунтовое погр. № 1 (рис. 15). Подпрямоугольная яма размерами 1,6 × 0,3 м и глубиной от уровня материка до 0,7 м ориентирована по линии СВ – ЮЗ. На ее дне находился скелет ребенка (5,0 ± ± 1,5 года), погребенного вытянуто на спине. Погребальный инвентарь представлен двумя сосудами, раковиной и отщепом.

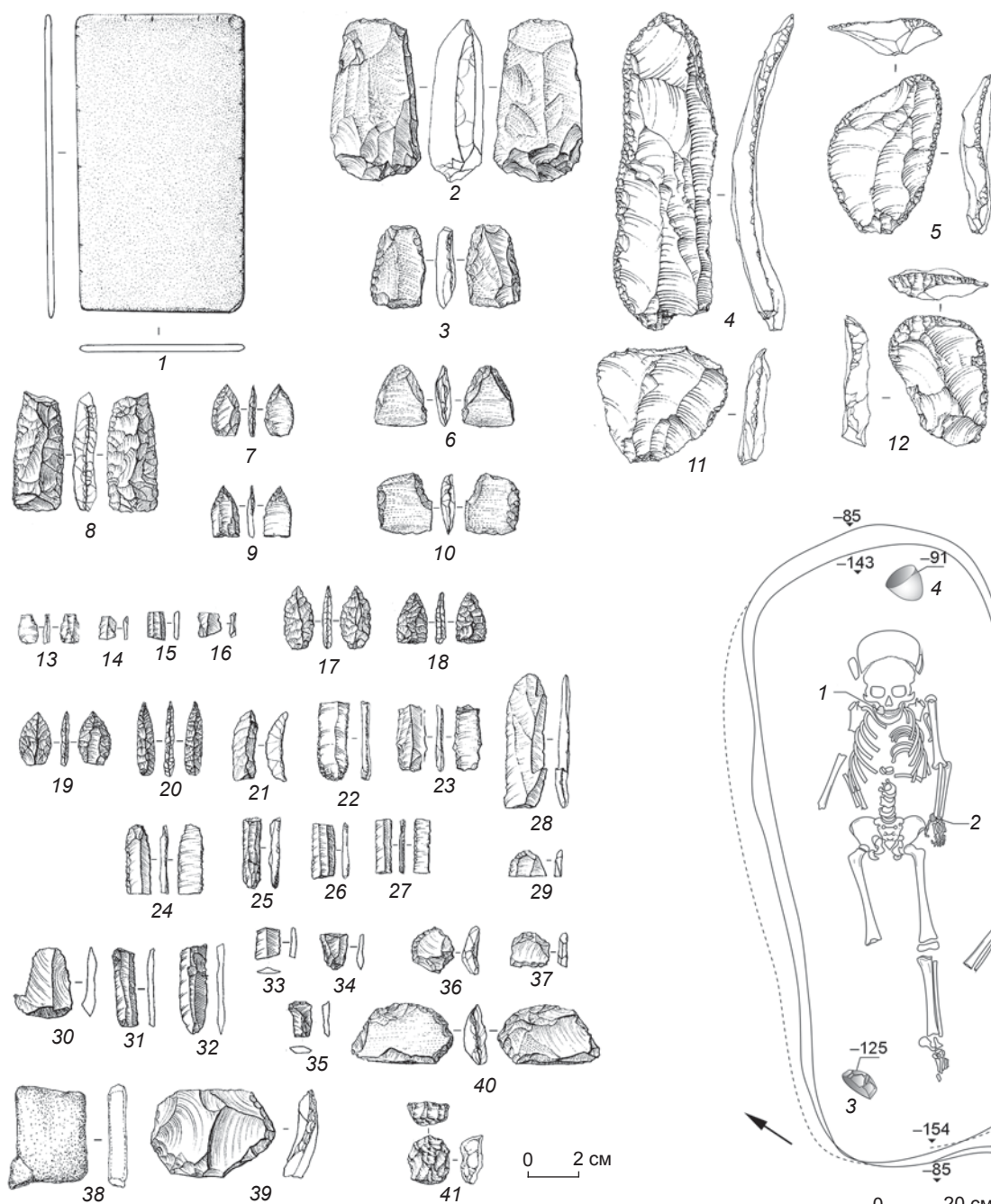

Рис. 14. Каменные орудия из погребального инвентаря могильника Венгерово-2А.

1 – шлифованная плитка; 2, 3, 6, 10 – шлифованные тесла; 4, 5, 11, 12 – скребла; 7–9, 17–20 – наконечники стрел; 13–16, 21–28, 31–34 – пластины; 29, 35–37, 39–41 – скребки; 30 – отщеп; 38 – абразив. 1–3, 6–10, 14–21, 23–37, 39, 40 – комплекс № 2; 4, 5, 11–13, 22, 38, 41 – комплекс № 1.

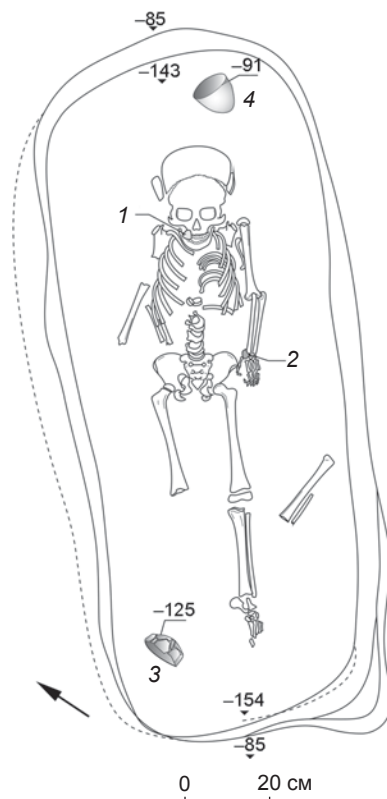

Рис. 15. План грунтового погр. № 1.

1 – каменный отщеп; 2 – раковина; 3 – сосуд 1; 4 – сосуд 2.

Реконструкция погребальной практики

К настоящему времени в могильнике обнаружены останки 29 особей. Половозрастные определения сделаны для 26 индивидов: 11 мужчин, включая подростка 14–15 лет, 8 женщин и 7 детей от 0 до 12 лет.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют выделить некоторые особенности сооружения и функционирования комплексов. Сначала создавались основное чашеобразное углубление и ров, который должен был ограничивать сакральное пространство. Затем в могильной яме совершалось

основное захоронение. На территории комплекса № 1 основным являлось погр. № 4; умершая взрослая женщина (скелет 4) была помещена в него в положении полусидя с сильно приподнятой верхней частью туловища и вытянутыми ногами (см. рис. 6, 7). После этого центральная часть могильной ямы была засыпана землей до уровня головы. Остальные погребенные в данной могиле, которые представлены во вторичных захоронениях, были уложены в три яруса выше основного (см. рис. 6). Вероятно, тела умерших до предания их земле где-то хранили, и в этот период их части были утрачены. Остатки трупа помещали в могилу в анатомическом порядке и в соответствии с принятыми в погребальном обрядности правилами ориентации. В комплексе № 2 основным можно считать захоронение мужчины (скелет 17) вытянуто на спине (см. рис. 8). Особенности могильной конструкции и положение погребенных позволяют предположить последовательное расширение пространства ямы для подхоронения умерших.

Вероятно, некоторое время комплексы функционировали в открытом виде; на это указывают разная степень сохранности скелетов, парциальный характер их захоронения (например, в комплексе № 2: отдельно череп – скелеты 4, 9, 11; верхняя часть туловища – скелеты 5, 10 или нижняя часть посткраниала – скелеты 14, 19), а также наличие столбовых ям с юго-восточной стороны могильной ямы. Последние могли быть связаны с сооружением навеса-настила над могильной ямой, на который первоначально помещали тело умершего. Когда легкий настил разрушался, останки человека либо сами проваливались в незакрытую могильную яму, либо их специально укладывали туда. Такой способ захоронения, возможно, обусловленный известными трудностями предания умершего земле в зимний период, объясняет наличие в комплексе лишь частей скелетов. Близкий способ т.н. воздушных захоронений, совершаемых на специальных помостах или в лабазах, известен у ряда сибирских и дальневосточных народов, например, у амурских чжурчженей, как доказано исследованиями В.Е. Медведева [1977, с. 118–119]. Им же опубликован свод данных о сходных способах захоронения у различных народов Азии [Там же, с. 119–121].

В комплексе № 2 наряду с центральной коллективной усыпальницей, в которой вторичные захоронения расположены ярусами, имеются погребения во рву (см. рис. 12). По ориентации и положению костяков они аналогичны основному захоронению. Это либо захоронения людей другого социального статуса, либо погребения, совершенные в конце цикла функционирования данного комплекса.

На данном этапе функционирования комплексов, вероятно, проводились ритуалы, связанные с огнем (зафиксированы их следы в виде прокалов), и тризны

(в верхней части конструкции над центральной могилой находились керамические сосуды, а также отдельные предметы). Только после этого весь комплекс засыпался землей до образования невысокой насыпи.

В погребальном обряде использовалась охра: среди костей найдены крупные фрагменты красящего минерала.

Наибольшее сходство с рассматриваемыми комплексами демонстрируют материалы неолитического могильника Протока, расположенного в Северо-Западной Барабе [Полосьмак, Чижишева, Балыева, 1989]. Именно на Протоке впервые на данной территории обнаружены земляное сооружение и ров, разомкнутый по оси С – Ю, который был призван ограничить погребальное пространство. Абсолютно аналогичная погребальная практика получила воплощение в недавно исследованном под руководством д-ра ист. наук В.В. Боброва комплексе Автодром-1, расположенном в пределах видимости от изученных нами объектов [Бобров, Марочкин, Юракова, 2015].

Определенные семантические параллели по организации сакрального пространства можно провести между изучаемыми комплексами и такими поселениями быстринского типа эпохи неолита таежной зоны Сургутского Приобья, как Быстрый Кульеган-66 – жил. № 2 и 2а обнесены прерывистыми ровиками [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006, с. 59], Большая Умытья-9 (сооружение 1), Мишкино-5 – одиночные жилища находились в центре огороженной территории [Борзунов, 2013, с. 27, рис. 5]. На поселении Усть-Тара XXVIII в Прииртышье обнаружено еще одно обвалованное жилище с ровиком; авторами исследования оно отнесено к кругу памятников артынской культуры [Горбунова, Толпеко, 2002, с. 406].

Характеристика погребального инвентаря

В грунтовом захоронении и погребально-ритуальных комплексах был обнаружен инвентарь, который условно можно разделить на две группы. В первую группу входят артефакты из верхней части заполнения земляной насыпи или рва, связанные, скорее всего, с тризнами (развалы керамических сосудов, отщепы, пластины, костяные орудия). Вторую группу составляет индивидуальный сопроводительный инвентарь, находившийся в отдельных погребениях или рядом со скелетами либо на них в коллективных захоронениях. В комплексах обнаружено 147 предметов.

Анализ распределения инвентаря в соответствии с половозрастными определениями погребенных позволил выявить следующие особенности. Наибольшее количество предметов сопровождает детские (за исключением младенца – скелет 13) и женские захоронения. Предметы искусства (костяные и каменные

каплевидные подвески, пронизи, бусины) и шлифованные орудия встречаются только в детских погребениях. Большое количество артефактов, в т.ч. орудий (скребла, скребки, проколки, абразивы, пластины с ретушью), обнаружено в погребениях женщин, помещенных в могилу в положении полусидя (комплекс № 1, погр. № 4; комплекс № 2, скелет 15).

Относительно погребенных предметы располагались по-разному. Они зафиксированы около плечевых костей, под кистью руки, в районе таза, под черепом или около него, в одном случае орудие находилось в левой кисти погребенной (см. рис. 7).

Изделия из глины. Хорошо известно, что именно керамические сосуды (или их фрагменты) имеют чаще всего решающее значение для определения культурно-хронологической принадлежности археологического комплекса. Для представителей данного культурного образования помещение сосудов в качестве сопроводительного инвентаря не характерно: два изделия находились в грунтовом погр. № 1 и по одному – в комплексах № 1 и 2. Подобное отмечено и на других синхронных могильниках Северо-Западной Барабы: в кургане Протоки обнаружен один сосуд [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989], в кургане Автодрома-1 целых сосудов не выявлено [Бобров, Марочкин, Юракова, 2015]. На всех вышеотмеченных памятниках фрагменты сосудов находились во рвах.

Поскольку целых форм не много, а керамический материал является важным источником для изучения всех неолитических памятников региона, рассмотрим индивидуальные характеристики найденных сосудов (рис. 16, 17).

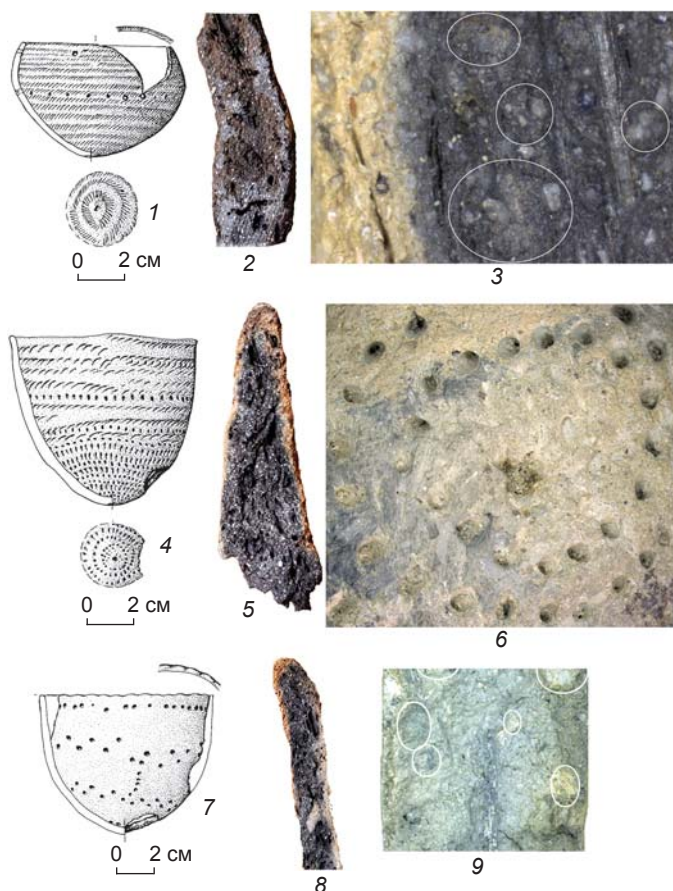

Рис. 16. Керамика памятника Венгерово-2А.

1 – сосуд 1 (грунтовое погр. № 1); 2 – шлиф венчика-стенки сосуда 1 ($\times 3,25$); 3 – увеличенная микрофотография излома сосуда 1 с зернами шамота и следами органики; 4 – сосуд 2 (грунтовое погр. № 1); 5 – шлиф венчика-стенки сосуда 2 ($\times 4,53$); 6 – микрофотография участка дна сосуда 2; 7 – сосуд 3 (заполнение погребально-поминального комплекса № 2); 8 – шлиф венчика-стенки сосуда 3 ($\times 3,30$); 9 – увеличенная микрофотография излома с зернами шамота и следами органики.

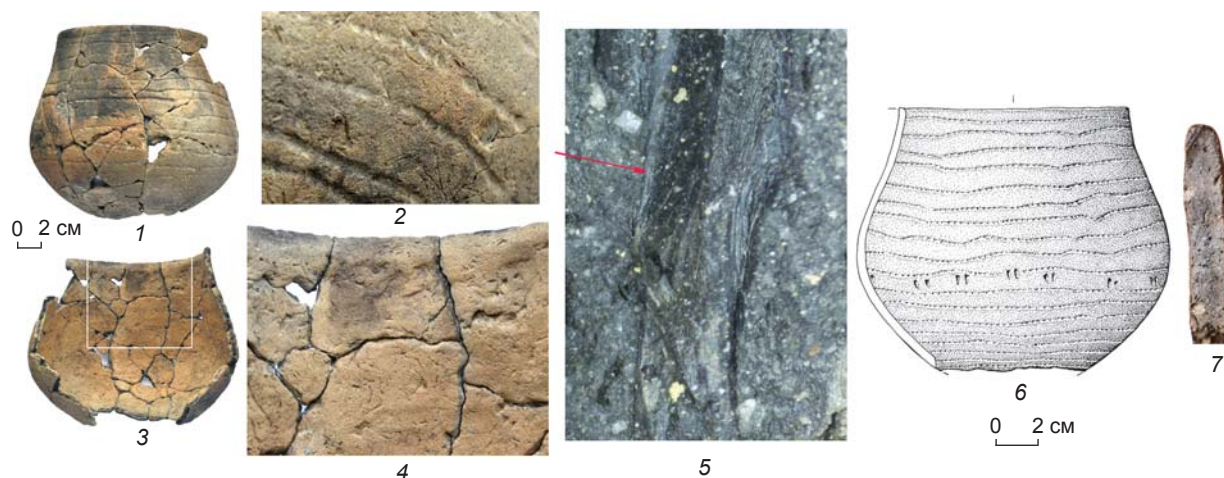

Рис. 17. Керамика памятника Венгерово-2А.

1 – внешняя поверхность сосуда 4; 2 – увеличенный участок внешней поверхности сосуда 4; 3 – внутренняя поверхность сосуда; 4 – увеличенный участок внутренней поверхности; 5 – увеличенная микрофотография вертикального излома с зернами шамота и следами органики; 6 – сосуд 4; 7 – шлиф венчика-стенки ($\times 3,03$).

Сосуд 1 (грунтовое погр. № 1) – закрытая остро-донная баночка. Диаметр венчика 7,1 см, максимальный диаметр тулова 8,2, высота 5,4 см. По всей поверхности орнаментирован горизонтальными рядами оттисков края лопатки овальной формы (см. рис. 16, 1). Такие же оттиски нанесены по срезу венчика.

Изделие изготовлено из запесоченной глины, в которой содержатся слюда и бурый железняк, по рецепту Г (глина) + О (органика) + Ш (шамот). В качестве примеси использовалась сухая рубленая трава (см. рис. 16, 2, 3).

Зафиксирован емкостный начин на основе жгутового налепа по спирали. Стенки ровные, очень тонкие (до 4 мм). Возможно применение операции выбивки.

Сосуд 2 (грунтовое погр. № 1) – открытая баночка с приостренным дном и венчиком, орнаментированная овальными вдавлениями. Диаметр венчика 8,9, высота 8,1 см. Орнамент покрывает всю поверхность изделия: горизонтальные ряды в трех зонах. Вверху – ряды оттисков, нанесенные боковой частью лопаточки. Нижняя часть украшена рядами округлых и овальных вдавлений. В средней части тулова – несколько чередующихся рядов оттисков лопатки и вдавлений (см. рис. 16, 4).

Формовочная масса выполнена по рецепту Г + О + Ш. Глина сильно запесочена. В песке большое количество слюды, встречаются зерна бурого железняка. Шамот мелкий, органика в переработанном виде (навоз?) (см. рис. 16, 5, 6).

Сосуд изготовлен способом скульптурной лепки на основе емкостной программы жгутовым налепом. Поверхность обоих емкостей выровнена и заглажена.

Сосуд 3 (комплекс № 2) – открытая баночка с приостренным дном. Диаметр венчика 9,5 см, высота 7,6 см (см. рис. 16, 7). Срез венчика волнистый, украшен оттисками боковой части палочки-стержня. Поверхность сосуда орнаментирована ямками, сделанными твердым орнаментом с округлым концом (до 3 мм в диаметре) и сгруппированными в ряды, которые тянутся от дна к венчику.

Сосуд изготовлен из пластичной слабозапесоченной глины, в которой присутствуют зерна бурого железняка, по рецепту Г + Ш + О. Преобладает шамот крупных размеров. Органики по количеству меньше, чем в двух первых сосудах (см. рис. 16, 8, 9).

Сосуд 3, как и предыдущий, создан способом скульптурной лепки на основе емкостной программы жгутовым налепом. Его поверхность выровнена и заглажена.

Сосуд 4 (комплекс № 1) – горшковидное изделие с приостренным дном. Диаметр по венчику 12 см, максимальный диаметр тулова 16,2, высота примерно 14,9 см (см. рис. 17). Срез венчика уплощен и орнаментирован овальными вдавлениями. Вся поверхность сосуда покрыта волнообразными линиями. При нанесении орнамента инструмент часто отрывали от поверхности, иногда протаскивали. В самой широкой части тулова расположен горизонтальный ряд парных оттисков угла лопаточки. Такая особенность, как оформление двух зон – верхней и нижней – характерна для трех (1, 2, 4) из четырех анализируемых сосудов.

Сосуд изготовлен из среднезапесоченной глины по рецепту Г + О + Ш. Шамот не калиброван. В образце отмечается довольно большое количество следов органики в виде широких коротких лож. Зафиксированы также отпечатки пуха.

Использован жгутовой способ формовки изделия при емкостном начине. Возможно применение формы-основы: отмечены волосяные следы от прокладки между формой-основой и сосудом.

По морфологическим характеристикам определенное сходство обнаруживают сосуды из грунтового погр. № 1 и комплекса № 2 (2 и 3). Сосуды 1 и 2, относящиеся к одному погребению, отличаются друг от друга (см. рис. 16, 18). Различия проявляются в соотношении основных параметров изделий, прорисовках их скелетов и полупрофилей, приведенных к высоте 10 см (при сохранении пропорций). Сложной формой и размерами более всего выделяется сосуд из «тризны» комплекса № 1.

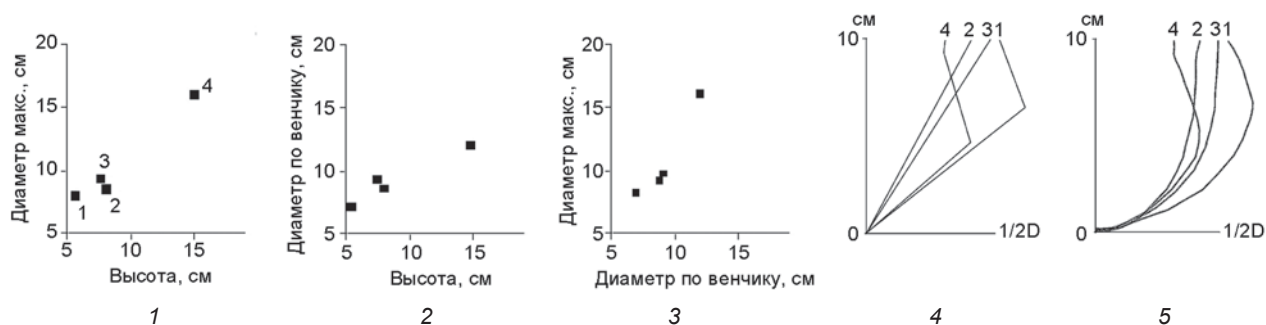

Рис. 18. Графики соотношения пропорций (1–3), «полускелеты» (4) и полупрофили (5) сосудов, высота которых приведена к 10 см.

Отмечено применение разного сырья: сильно- и среднезапесоченного и пластичного. Использовались шамот разной степени подготовки, а также различное органическое сырье (сухое и переработанное).

Все изделия объединяет способ изготовления – жгутовой по емкостной программе; орнамент на трех сосудах позволяет сделать вывод о том, что он наносился со дна, от специального углубления, по спирали горизонтальными витками по всей поверхности, независимо от формы орнамента.

В заполнении ям и рвов встречаются отдельные фрагменты неолитической керамики. С помощью бинокулярного анализа составлена коллекция фрагментов, орнаментированных в ямочно-гребенчатой технике, из формовочных масс, которые изготовлены по рецепту Г + О, отличающемуся от рецепта, характерного для остального комплекса – Г + О + Ш.

Таким образом, керамические комплексы из захоронений, «тризны» и рвов различаются. Первый комплекс представлен изделиями, выполненными по одной технологической схеме изготовления формы и нанесения орнамента – отступающе-наколычато-прочерченной с неравномерным нажимом. Подобная техника декорирования характерна для посуды артынской культуры [Юракова, 2013, с. 92]; она использовалась также при создании изделий быстринского типа таежной зоны Среднего Приобья [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006]. Аналоги отдельных сосудов имеются среди находок из погребений неолитического могильника Сопка-2/1 (Бараба) [Молодин, 2001], комплексов Среднего Прииртышья – Татарский Увал [Матюшенко, Полеводов, 1994, рис. 3, 3; 5, 1, 2; 7, 1, 2] и Хутор-Бор [Петров, 2014, рис. 48, 1, 3].

Керамика из рвов и насыпи выполнена в разных традициях. Важно подчеркнуть, что такие различия обнаруживают и материалы могильника Протока [Полосьмак, Чикишева, Балугева, 1989].

Выделение типов в керамике эпохи неолита Западной Сибири подчас вызывает у исследователей затруднения. Дело в том, что при многокомпонентности керамических традиций и отсутствии стилистического многообразия использовались похожие мотивы и сюжеты; своеобразие орнаментации достигалось только благодаря использованию разных инструментов и способов работы с ними [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 10]. Это характерно и для посуды памятника Венгерovo-2А.

К изделиям из керамики относится обнаруженный со скелетом 17 (комплекс № 2) керамический абразив (см. рис. 13, 33). Он представляет собой фрагмент глиняного сосуда, у которого с трех сторон проточены желобки, четвертая сторона (выпуклая) использовалась, вероятно, для лощения.

Орудия из кости. Их представляют проколки из костей лося (см. рис. 13, 2–4) и дикой лошади

(см. рис. 13, 5) длиной от 11 до 14 см, наконечники стрел (см. рис. 13, 7, 9, 19), фрагмент костяного острия (кинжала?) (см. рис. 13, 6), а также черешковый би-конический наконечник с граненой головкой т.н. шигирского типа (см. рис. 13, 9). Ближайшие аналоги известны в материалах неолитического могильника Сопка-2/1 [Молодин, 2001, с. 21]. Подобные изделия широко представлены в неолитических комплексах Зауралья [Чаиркина и др., 2001; Савченко, 2007] и таежной зоны Евразии [Жилин, 1996]. В Западной Сибири такие наконечники встречаются довольно редко. Они обнаружены, например, в хорошо известном Васьковском неолитическом могильнике [Бородкин, 1967]. Недавно наконечник «шигирского» типа найден в неолитическом погребении у пос. Жигалова на верхней Лене (Восточная Сибирь) [Бердникова, 2013], которое в настоящее время является самым восточным пунктом на карте памятников с изделиями указанного типа.

Массивное изделие (32,0 × 5,2 см) из отростка рога лося обнаружено в комплексе № 2 (см. рис. 13, 1). В его нижней части оформлена рукоять (?): с одной стороны три выемки, другая подлощена. На поверхности имеются следы красной охры и органики в виде черных точек и пятен, что свидетельствует о продолжительной эксплуатации орудия, но пока не вполне ясно, в каком качестве.

Украшения. Набор довольно представительный: костяные (см. рис. 13, 26–32, 34–41) и каменные (см. рис. 13, 22–24) каплевидные подвески, имеющие многочисленные аналоги в неолитических могильниках Евразии и Западной Сибири [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, с. 77; Полосьмак, Чикишева, Балугева, 1989, с. 24], костяные кольца из трубчатых костей (см. рис. 13, 13–17, 20, 21, 25), резцы бобра, клык кабана, раковины с отверстиями, пронизки из раковин (см. рис. 13, 8, 12).

Предметы пластического искусства. Костяная скульптурка (предположительно уточки) на плоском основании с отверстием (см. рис. 13, 11). Ее аналоги известны в погребальном инвентаре могильника Корчуган (Западная Сибирь) [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, с. 77]; подобное изделие из камня обнаружено и в неолитических материалах Прибалтики (памятник Звидзе) [Лозе, 1988]. Пластика из ребра животного с зигзагообразным орнаментом (см. рис. 13, 10) имеет отдаленные аналоги в неолите Европейского Севера: скульптурные изображения змей с геометрическим орнаментом найдены в погребениях Оленеостровского могильника [Гурина, 1956], а также в некоторых памятниках неолита Прибалтики (см. сводку: [Уткин, Костылева, 2000]). Особое место в коллекции занимает обломок костяного ножа (?) со скульптурным навершием в виде токующей боровой птицы (глухарь, тетерев?) (см. рис. 13, 18). Абсолютно

аналогичные ему предметы известны в неолите Восточной Прибалтики (Лубанское Озеро [Гурина, 1996, рис. 46, 11] и Лейманишки [Формозов, 1970]).

Изделия из камня. Представлены следующими категориями (всего 100 экз.): скребки двусторонние, боковые и концевые на отщепах (см. рис. 14, 29, 35–37, 39, 40), миниатюрные шлифованные тесла и заготовки для них с обработанными крупными сколами боковыми гранями и обушком (см. рис. 14, 2, 3, 6, 10), листовидные и игловидные наконечники стрел на пластинах и отщепах с плоским насадом и бифасиальной покрывающей ретушью (см. рис. 14, 7–9, 17–20), отщепы с ретушью и без следов вторичной обработки (см. рис. 14, 30), пластины – в основном медиальные и проксимальные фрагменты треугольные и трапециевидные в сечении, шириной 5–10 мм, реже встречаются дистальные концы пластин, практически на всех экземплярах фиксируется мелкая ретушь по одной-двум латералиям с дорсальной, иногда вентральной стороны (см. рис. 14, 13–16, 21–28, 31–34); нуклеус и торцевой скол с нуклеуса, призматические, одноплощадочные, с круговым фронтом скалывания (см. рис. 14, 41); сколы с поверхности шлифованных орудий, первичные сколы гальки, абразивы со следами использования почти на всех плоскостях (см. рис. 14, 38). В погр. № 4 комплекса № 1 обнаружены также четыре массивных орудия-скребла на крупных заготовках (см. рис. 14, 4, 5, 11, 12), которые отличаются от всех обнаруженных на памятнике артефактов по размерам. На них нет следов сработанности, вероятно, орудия были изготовлены для использования в качестве погребального инвентаря.

Состав каменных изделий в погребальном инвентаре рассматриваемого комплекса в целом типичен для неолитических памятников Барабы [Молодин, 2001, с. 21] и сопредельных территорий (см., напр.: [Марочкин, 2014, с. 17–23]). Соотношение в орудийном наборе изделий на пластинах и отщепах, особенности оформления скребков и наконечников стрел сближают изученный комплекс с материалами артынской культуры [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106].

Обращает на себя внимание наличие шлифованных изделий и абразивов. Большое количество таких предметов характерно для памятников Томского Приобья [Матющенко, 1973, с. 101], Среднего Прииртышья [Петров, 1987, с. 8], а также для памятников быстринской культуры, хотя каменный инвентарь последней отличается ярко выраженной индустрией отщепа и наличием шлифованных наконечников, ножей, рубящих орудий [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006, с. 63].

Следует отметить присутствие типичных для неолитических комплексов шлифованных миниатюрных топориков и тесел, назначение которых не вполне понятно. Важно, что они продолжали использоваться

в погребальной практике обитателей Приобья последующего периода раннего металла (носители усть-тартасской культуры) [Молодин, 2001].

Под черепом ребенка (скелет 8, комплекс № 2) обнаружена тонкая сланцевая плитка размерами $13,2 \times 7,6 \times 0,4$ см (см. рис. 14, 1). Одна из ее плоскостей интенсивно окрашена охрой и по всему периметру украшена небольшими насечками, сгруппированными по две. На другой ее стороне отмечены узкие желобки – возможно, следы использования предмета в качестве абразивного инструмента. Близкие по форме предметы встречаются на поселении быстринской культуры Быстрый Кульёган-66 [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006]. Подобные изделия – четырехугольные пластины из песчаника с характерной заточкой по углам (близкие по форме) – стали одним из диагностирующих элементов кротовской культуры эпохи ранней – развитой бронзы [Молодин, Дураков, 2013].

Петрографическое определение части каменных артефактов было выполнено канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик. Сырьем для 73,3 % каменных изделий – пластин, скребков, скребел и отщепов – послужили окремненные и окварцованные (вплоть до образования кварцитовидных разностей) мелко- и среднезернистые кварцевые песчаники и песчанистые алевролиты. Это высококремнистое сырье ввиду хорошего качества использовалось населением Западной Сибири от эпохи палеолита до Средневековья. Исследователями многих памятников региона означенного периода такое сырье определяется как кремнистые, сливные, кварцитовидные песчаники мел-палеогеновой коры выветривания [Кирюшин, Малолетко, 1979, 1983; Зах, 1981; Зенин, Лещинский, 1998; Зах, Скочина, 2010; Кулик, Мыльникова, Нохрина, 2010; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. На памятнике имеются также изделия из высококремнистых пород (6,7 % от изученных артефактов).

Изделия из мелко- и среднезернистых олигомиктовых песчаников (3 экз.), песчанистых алевролитов, не подвергшихся окремнению и окварцеванию (1 экз.), кварц-полевошпатовой тонкозернистой породы с каолинизированным полевым шпатом (2 экз.) составляют 20 %. Они, судя по потертым и шлифованным поверхностям, служили абразивами. С учетом твердости пород (ок. 5,5 по шкале Мооса) можно предположить их использование как «жестких» абразивов. Сырье шлифованных орудий и сколов с них относится к кислым эффузивам, замещенным слюдистым агрегатом. Обломок гидрослюдистого сланца из-за своей низкой твердости (≈ 3 по Моосу), по видимому, являлся «мягким» абразивом.

Сопоставление индустрии памятника Венгерово-2А с коллекциями синхронных местонахождений Западной Сибири по петрографическим характеристикам позволяет рассматривать аллювий Иртыша

как наиболее достоверный источник каменного материала. Таким образом, сырье доставлялось в регион с запада, возможно, по р. Оми [Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2015], что позволяет на новом уровне оценивать культурные связи между населением эпохи неолита Барабинской лесостепи и их западными «соседями».

Даты комплексов

По образцам из двух погребений комплекса № 1 были получены радиоуглеродные даты, согласно которым функционирование памятника относится к концу VI тыс. до н.э. [Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2012, с. 121]. Вывод подтверждается и датами для могильника Протока [Марченко, 2009, с. 14]. Большая часть дат для быстринских комплексов укладывается в диапазон от середины VI до второй половины V тыс. до н.э. [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006, с. 61]. Однако авторы указанного исследования, ссылаясь на однородность и технологическую и типологическую устойчивость керамической традиции, сомневаются в столь продолжительном существовании культуры. Несколько дат, установленных по образцам с поселений Автодром-2 и Серебрянка-1, позволяют относить бытование артынской культуры ко второй половине V – первой половине IV тыс. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2011, с. 108; Мосин, 2015, с. 112]. В контексте изучения неолита Западной Сибири важно, что на определенном хронологическом этапе указанные образования сосуществуют. Что же касается верхней границы бытования артынской культуры, то ей, вероятно, соответствует этап плавной эволюции данной культуры от эпохи неолита к эпохе раннего металла с комплексами, в которых керамическая посуда по технологии и морфологии практически неразличима. Речь идет о байрыкских, карасевских, екатерининских и других культурных образованиях, которые с учетом их близости одним из авторов данной работы предлагалось именовать «памятниками эпохи раннего металла гребенчато-ямочной историко-культурной традиции» [Молодин, 2001, с. 38]. Таким образом, рассматриваемые в статье комплексы можно датировать периодом позднего неолита (VI–V тыс. до н.э.).

Антропологические и палеогенетические данные

Изучение антропологического материала позволило выявить сходство серии памятника Венгерovo-2А с другими представителями неолитического населения Барабы [Чикишева, Зубова, Поздняков, 2011].

Было определено, что изученный к настоящему времени краниологический материал эпохи неолита этого региона относится к типологической структуре второго уровня расовой дифференциации – северной евразийской антропологической формации, юго-восточной периферией ареала которой является Барабинская лесостепь. При этом выделены как минимум два компонента, ставшие основой палеопопуляции Венгерovo-2А. Один из них автохтонного происхождения, он сближает исследуемую серию с популяциями, оставившими памятники Протока и Сопка-2/1. Другой компонент, который был определен на основании одонтологических данных [Зубова, Чикишева, 2015, с. 106], имеет истоки в Волго-Уральском междуречье. Антропологический компонент, восходящий к населению Волго-Уральского междуречья, в большей степени повлиял на мужскую составляющую палеопопуляции Венгерovo-2А, чем на женскую, которая сохранила определенное локальное своеобразие [Чикишева, Поздняков, Зубова, 2015].

Анализ одонтологических особенностей рассматриваемой серии свидетельствует о ее промежуточном положении между западным и восточным одонтологическими стволами. Это объясняется не процессами метисации контрастных в расовом отношении групп, а сохранением особенностей древних недифференцированных комплексов [Зубова, Поздняков, Чикишева, 2013].

По предварительным результатам палеогенетического исследования нескольких погребенных из могильника Венгерovo-2А в структуре мтДНК выявлены западно- и восточно-евразийские кластеры [Молодин и др., 2014, с. 303]. Данные палеогенетики указывают на сходство между неолитическими популяциями памятников Венгерovo-2А, Сопка-2/1 и носителями усть-тартасской культуры эпохи раннего металла (Сопка-2/3, -3а). Погребения рассматриваемых комплексов эпохи неолита генетически ассоциируются с представителями северной евразийской антропологической формации.

Обсуждение результатов

Результаты анализа сопроводительного инвентаря, особенностей погребальной практики, антропологические и палеогенетические данные свидетельствуют о специфике могильника Венгерovo-2А. Она выражена в смешанном характере керамического комплекса (в нем представлены как минимум две орнаментальные традиции – отступающе-накольчато-прочерченная и гребенчато-ямочная) и в вариативности погребального обряда (ингумация/кремация; коллективные/одиночные захоронения; различные позы погребенных).

Керамические материалы рассматриваемого могильника, как и памятников эпохи неолита севера Евразии, многокомпонентны. В коллекции преобладают изделия, выполненные по смешанным технологиям. В орнаментации сосудов, непосредственно связанных с ритуалом погребения, выявлены элементы только отступающе-накольчато-прочерченной традиции, которая обнаруживает сходство с традициями быстринской культуры [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006], а также является ведущей для комплексов артынской культуры [Юракова, 2013]. Для керамики из насыпи и рвов, выполненной в гребенчато-ямочной традиции орнаментации, зафиксирован рецепт формовочных масс, по составу отличающийся от рецепта формовочных масс основного керамического комплекса отсутствием шамота.

Сопроводительный инвентарь имеет аналогии с материалами северо-западных районов Евразии. Все находки, кроме артефактов, территория и хронологические рамки бытования которых чрезвычайно широки (шлифованные топоры, тесла, костяные и каменные каплевидные подвески, пронизки, изделия из резцов и клыков животных, раковины), так или иначе связаны с материалами неолита таежной зоны Западной Сибири (шлифованная плитка и абразивы), лесного Зауралья (наконечник «шигирского» типа), а также Прибалтики и Карелии (предметы пластического искусства).

Антропологические и генетические данные позволяют относить население, оставившее исследуемый могильник, к представителям огромной юго-восточной общности, именуемой северной антропологической формацией [Чикишева, 2012] или, по определению Л.Л. Косинской, к «урало-западносибирской культурной общности эпохи неолита» [Косинская, Дубовцева, Юдина, 2006, с. 64], распространенной в северной зоне Евразии от Прибалтики до таежного Зауралья и Западной Сибири.

Изучение неолита западно-сибирской лесостепи во многом зависит от решения ключевых проблем, обусловленных диспропорцией источников, затрудняющей корреляцию материалов из поселенческих и погребальных памятников [Бобров, Марочкин, 2012, с. 64]; смешанным характером комплексов [Зах, 2009; Марочкин, 2014]; особенностями культурного взаимодействия носителей автохтонной (артынской) традиции и гребенчато-ямочной, которую представляли мигранты из западных и северо-западных регионов [Молодин, 1977, с. 33; 2001, с. 26–27]; совпадением дат поздненеолитических памятников и усть-тартасских и гребенчато-ямочных комплексов эпохи раннего металла, что позволяет предполагать существование комплексов.

Все вышесказанное свидетельствует о мозаичном характере этногенеза в данном регионе в кон-

це VI – V тыс. до н.э., взаимодействии нескольких культурных традиций, наглядным отражением синтеза которых является памятник Венгерово-2А, что не позволяет в настоящее время однозначно определить его культурную принадлежность.

Список литературы

- Бердникова Н.Е.** «Шигирский» наконечник на Верхней Лене (Прибайкалье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 156–173.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб. и др., 2011. – Т. 1. – С. 106–108.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Неолит Барабы // Мат-лы науч. сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово: Изд-во Ин-та экологии человека СО РАН, 2012. – Вып. 4. – С. 63–73.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.** Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2012. – № 3 (18). – С. 4–12.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.** Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 23–27.
- Борзунов В.А.** Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // РА. – 2013. – № 4. – С. 20–34.
- Бороздин Ю.М.** Материалы неолитического погребения у с. Васькова // Изв. Лаб. археол. исслед. – Кемерово: Кем. гос. пед. ин-т, 1967. – Вып. 1. – С. 101–107.
- Горбунова Т.А., Толпеко И.В.** Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // АО 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 405–406.
- Гурина Н.Н.** Оленеостровский могильник. – Л.; М.: ИА АН СССР, 1956. – 432 с. – (МИА; № 47).
- Гурина Н.Н.** Восточная Прибалтика // Археология. Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 135–161.
- Жилин А.Г.** Наконечники стрел «шигирского» типа в мезолите – раннем неолите Восточной Европы // Твер. археол. сб. – 1996. – Вып. 2. – С. 50–56.
- Зах В.А.** Иня-3 – новая неолитическая стоянка Обь-Чулымского междуречья // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 22–27.
- Зах В.А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н.** Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2010. – № 2 (13). – С. 4–11.
- Зенин В.Н., Лещинский С.В.** Новые данные о палеолитическом местонахождении Воронино-Я в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 96–102.

Зубова А.В., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита из памятника Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 551–554.

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 3. – С. 98–109.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Ваяганья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – 181 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 3–19.

Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Поселение Быстрый Кульёган 66 и быстринская археологическая культура // Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / под ред. Л.Л. Косинской, А.Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. – Гл. 8. – С. 57–67.

Кулик Н.А., Мыльникова Л.Н., Нохрина Т.И. Сырьевая база каменной индустрии в переходное время от бронзового к раннему железному веку (на примере поселения Линево-1) // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 2 (27). – С. 52–61.

Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. – Рига: Зинатне, 1988. – 211 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 33 с.

Марченко Ж.В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тары: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 27 с.

Матющенко В.И. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье. – Томск: Том. гос. ун-т, 1973. – 184 с. – (Из истории Сибири; вып. 9).

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском Увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчженей. Конец X – XI в. (По материалам грунтовых могильников). – Новосибирск: Наука, 1977. – 124 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Неолитические могильники Барабы: проблемы хронологии и культурной принадлежности // Ист. ежегодник, 1999. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2000. – С. 134–139.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – 127 с.

Молодин В.И. Послание из новокаменного века // Наука из первых рук. – 2012. – № 3 (45). – С. 14–19.

Молодин В.И., Бортникова С.Б., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Абросимова Н.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А. Результаты геофизических, геохимических и петромагнитных исследований памятника Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 221–225.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 84–101.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борzych К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борzych К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерово-2а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 124–129.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Открытие грунтовых погребений неолитического могильника Венгерово-2А в Барабинской лесостепи (археолого-геофизические исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 116–120.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Пилипенко А.С., Трапезов Р.О. Неолитический погребальный комплекс Венгерово-2А в Западной Барабе (результаты междисциплинарных исследований) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 302–306.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблема неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 66–98.

Мосин В.С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2015. – № 2/6 (62). – С. 108–113.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири: История и Археология. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – С. 4–20.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2014. – 348 с.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с уплощенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. – М.: Изд-во ИА РАН, 2007. – С. 253–273.

Уткин А.В., Костылева Е.А. Скульптурные изображения змей в эпоху мезолита – энеолита в лесной зоне Восточной Европы // Твер. археол. сб. – Тверь: Твер. гос. объедин. музей, 2000. – Вып. 4, т. I. – С. 217–223.

Формозов А.А. Искусство эпохи мезолита и неолита // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 194–205. – (МИА; № 166).

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее Озеро III // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2014. – № 1 (24). – С. 4–13.

Чаиркина Н.М., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Литвяк А.С. Археологические памятники Шигирского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 196 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Характеристика палеоантропологических материалов из неолитического погребения на поселении Венгерово-2 (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 259–264.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В. Крайноэологические особенности палеопопуляции неолитического могильника Венгерово-2А в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 144–162.

Юракова А.Ю. Орнаментальная традиция артынской поздненеолитической культуры // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2013. – Вып. 3 (55), т. 4. – С. 90–96.

Материал поступил в редколлегию 18.03.2016 г.